

Западный военный лагерь Лян находился в горах к западу от столицы Лян, где было бесчисленное количество сторожевых вышек и крепостей. Лагерь был разделён на три части: столичную, пограничную и наборную. Каждая из них выполняла свои обязанности. Столичная часть отвечала за безопасность столицы Лян, пограничная — за охрану границ, а наборная занималась набором новобранцев, их тренировками и управлением личным составом. Эти три части, подобно трём ногам треножника, обеспечивали слаженное управление лагерем. Командовали ими разные генералы: столичной частью — старший принц Циянь Чжилюй, пограничной — четвёртый князь Циянь Боэрцзинь, а наборной — великий генерал Элүйти. В центре лагеря располагалась главная палатка Западного лагеря Лян.

Циянь Хаои, облачённый в чёрную чешуйчатую броню и накинувший на плечи тёмный плащ, ехал на своём коне Бэньсяо через столичную и наборную части лагеря, медленно направляясь к главной палатке, внимательно наблюдая за происходящим вокруг.

В наборной части царил порядок. Солдаты выстроились в квадратные ряды, тренируясь в верховой езде и стрельбе или отрабатывая построения. Вдали отдыхающие солдаты собрались вместе, играя в цуцзю. Крики солдат смешивались с громким смехом, и общий боевой дух был высоким. В отличие от них, столичная часть выглядела более расхлябанной. Палатки солдат были расставлены как попало, без какого-либо порядка. Солдаты сняли доспехи и группами собирались вместе, либо соревнуясь в боевых искусствах для развлечения, либо играя в азартные игры, либо указывая на новобранцев и отпуская в их адрес насмешки.

Циянь Хаои нахмурился. Десять тысяч солдат столичной части тренировались таким образом? Это было полное отсутствие военной дисциплины! Подумав, он сразу понял причину. Сейчас столичный лагерь находился под управлением Циянь Чжилюя, но тот появлялся здесь лишь несколько раз в месяц, поэтому все дела в лагере велись его зятем Хуянь Му.

Циянь Хаои усмехнулся и, держа поводья, продолжил путь, не подавая виду.

Семья Хуянь была знатной в государстве Лян. Когда-то их предки были храбрыми воинами, совершившими множество подвигов. Но с тех пор, как народ Лян вошёл в центральные земли, потомки Хуянь, не переняв ничего хорошего, оказались ослеплены роскошью и развратом ханьцев. Они преуспели в пьянстве, азартных играх и развлечениях, но полностью забыли о верховой езде и стрельбе, что привело к упадку семейной славы и уменьшению числа мужчин в роду. Однако нельзя сказать, что семья была полностью бесполезной. По крайней мере, их дочери становились всё краше и выходили замуж за знатных особ, так что большая часть императорской семьи Лян была так или иначе связана с Хуянь. К тому времени, как Хуянь Му стал главой семьи, мужчин в роду почти не осталось. Хуянь Му был единственным сыном в третьем поколении, и его семья оберегала его как зеницу ока, надеясь, что он продолжит род и внесёт вклад в возрождение семьи. Однако у него оказалась склонность к мужчинам, что чуть не свело его отца в могилу. В общем, никто в императорском дворе не ожидал от него побед на поле боя. Главное, чтобы он не создавал проблем, и тогда весь двор мог бы вздохнуть с облегчением. Так что то, что он управлял столичной частью с десятками тысяч солдат, уже было огромным достижением. Конечно, это было во многом благодаря его «верным телохранителям». Эти несколько человек, которых Хуянь Му лично отобрал, были отчаянными головорезами, всегда готовыми похитить понравившихся ему мужчин или женщин. Когда Хуянь Му прибыл в Западный лагерь Лян, он привёл их с собой. Теперь они стали его личной охраной, и если кто-то в лагере осмеливался выразить недовольство методами Хуянь Му или просто не нравился ему, они немедленно применяли «силовые методы». Офицеры в лагере, опасаясь связей Хуянь Му, могли только молча злиться.

Когда Циянь Хаои и его спутники прошли через столичную часть лагеря, к ним на полном

скаку приблизился всадник. Увидев Циянь Хаои, он немедленно спешился и опустился на одно колено, положив правую руку на левую грудь:

— Циянь Тай приветствует князя Цинь!

Циянь Хаои, увидев это, тоже спешился и помог встать человеку, стоявшему на коленях.

Когда-то, после того как Бай Цзыюэ забеременел, Циянь Хаои, поддавшись наветам, ошибочно решил, что ребёнок в его утробе был плодом Циянь Тая, из-за чего долгое время относился к Бай Цзыюэ холодно. Только после того, как Бай Цзыюэ скончался в гневе, Циянь Хаои осознал свою ошибку, но было уже слишком поздно. После смерти Бай Цзыюэ братья Циянь Хаои и Циянь Тай — один заперся в императорском мавзолее, а другой отправился в изгнание на западную границу. Прошло пять лет, и теперь, встретившись, они оба испытали глубокие чувства.

Циянь Хаои, держа Циянь Тая за руки, с покрасневшими глазами сказал:

— Сколько лет прошло, а ты вырос и окреп! Если бы Цзыюэ... увидел тебя сейчас, он бы, наверное, был очень рад...

— Четвёртый брат... — голос Циянь Тая дрогнул, и он крепко сжал руки Циянь Хаои.

Воспоминания нахлынули, и молодой генерал, привыкший к битвам, едва сдерживал эмоции. Циянь Тай был на два года младше Циянь Хаои. Пять лет назад он был всего лишь юношей, неопытным и наивным. Тот белый силуэт, то мягкий, как яшма, то величественный, как герой, был для него сокровенным чувством, о котором он не мог никому рассказать. Он думал, что скрывает это идеально, но в итоге стал соучастником в заговоре, который привёл его любимого человека в бездну отчаяния. Когда гроб Бай Цзыюэ был доставлен из гор Далян, Циянь Тай сломался. В юности он тайно надеялся, что его четвёртый брат и Бай Цзыюэ расстанутся, поэтому он позволил слухам навредить Бай Цзыюэ, но в итоге получил лишь холодный гроб.

Прошло много лет, и другие, возможно, уже забыли, но его собственное одиночество, вина и боль не уменьшились ни на йоту. Теперь, встретившись в лагере, братья поняли, что в этом мире, кажется, только они могут понять друг друга и ту боль, которую они несли все эти годы. Слова «четвёртый брат» стали знаком примирения, полностью устранив стену между ними.

Пока братья стояли с покрасневшими глазами, вспоминая прошлое, в лагере новобранцев началась суматоха, и какой-то предмет с шумом полетел прямо в голову Циянь Хаои. Тот отвлёкся и получил удар.

Окружающие замерли, и в лагере новобранцев стало так тихо, что можно было услышать падение иголки.

— Извините, не заметил, не попал? — Бай Юэцзэ, одетый в чёрную форму новобранца Лян, с мягкой кожаной броней на груди и запястьях, с собранными волосами и деревянной заколкой в причёске, стоял за полутораметровым забором лагеря новобранцев и, улыбаясь, смотрел на Циянь Хаои.

Циянь Хаои, увидев Бай Юэцзэ в аккуратной военной форме, замер.

Сопровождающие тут же строго крикнули Бай Юэцзэ:

— Это князь Цинь, быстро преклони колени!

Бай Юэцзэ бросил на них взгляд, подумав: если бы это был не ваш князь, я бы и не бросал.

Циянь Хаои слегка махнул рукой:

— Не попал, ничего страшного, не стоит преувеличивать.

— Кто спрашивает, попал ли ты? Я спрашиваю, не повредили ли мяч, ребята ещё хотят поиграть в цуцзю... — Бай Юэцзэ стоял на солнце, прислонившись к забору, скрестив руки на груди, и продолжал улыбаться, говоря достаточно тихо, чтобы только Циянь Хаои и Циянь Тай могли услышать.

На этот раз не только Циянь Хаои замер, но и Циянь Тай полностью остановился.

Внезапно перед глазами мелькнул образ того, кто ушёл много лет назад. В белом одеянии, стоя на траве, освещённой утренним солнцем, он, прислонившись к деревянному забору, скрестив руки на груди, сказал с улыбкой:

— Кто тебя спрашивает? Главное, чтобы мяч был цел, мы с Атаем ещё хотим поиграть. Если ты его повредил, придётся тебе новый купить...

В тот момент сердце Циянь Хаои пропустило удар. Это был тот день, когда тот человек, после того как переехал в Лян, впервые искренне улыбнулся ему, и Циянь Хаои никогда этого не забудет.

Циянь Тай наклонился, поднял мяч с земли и передал его Бай Юэцзэ. С самого начала его взгляд не отрывался от Бай Юэцзэ, а рука слегка дрожала.

<http://bllate.org/book/17679/1648055>